

УДК 347

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОРПОРАТИВНОГО ПРАВА
РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.
ДОКТРИНА «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ»**

Колонтаевская Ирина Федоровна,
*д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского права и процесса,
e-mail: koloni@bk.ru,
Московский университет имени С.Ю. Витте*

В статье рассматриваются отдельные правовые конструкции, заимствованные из зарубежных правовых систем в гражданское право России, анализируется доктрина «снятия корпоративной вуали» и возможность ее легализации и применения российскими судами, раскрываются возникающие при этом проблемы.

Ключевые слова: гражданское право, корпоративное право, общество с ограниченной ответственностью, юридическое лицо, корпорация, доктрина «снятия корпоративной вуали»

DOI 10.21777/2587-9472-2017-4-43-48

Крупная реформа российского корпоративного права, проведенная в 2014 г., способствовала существенному сближению российского права с ведущими мировыми правовыми системами. При этом следует отметить, что в результате реформирования раздела о юридических лицах в части первой Гражданского кодекса РФ был легализован институт корпоративного права. В Концепции развития гражданского законодательства 2009 г. подчеркивается, что в развитии корпоративного права российский законодатель следует иностранному правовому опыту [1]. При этом ориентиром служат западноевропейские правовые порядки, и, прежде всего, германское и французское право, право Великобритании и США [5, с. 67–73].

Существенное влияние на определение правового статуса и правового регулирования отношений с участием корпоративных юридических лиц оказывает англо-американское право. Целый ряд новых организационных правовых форм корпоративных образований англо-американского правовой системы получают все большее распространение в странах континентальной Европы, а также в России [9, с. 100–123]. Практически вся используемая в российском праве терминология «корпоративного права» берет свое начало в категории «corporation» англо-американского происхождения.

Примером англо-американского влияния на формирование современного европейского, в том числе российского, корпоративного права может служить организационно-правовая модель коммерческой компании с ограниченной ответственностью (limited liability company, LLC), получившая закрепление в США в Единообразном законе о компаниях с ограниченной ответственностью в 1995 г. (Uniform Limited Liability Company Act) и в Великобритании в 2000–2001 гг. [7] в Законе о партнерстве с ограниченной ответственностью (Limited Liability Partnership Act, 2000) и Правилах о партнерстве с ограниченной ответственностью (Limited Liability Partnership Regulations, 2001).

Организационно-правовая форма компании с ограниченной ответственностью (LLC) получила распространение и дальнейшее развитие в Германии [17, с. 272–287] благодаря сочетанию в себе структурно-управленческой гибкости личных товариществ и преимуществ ограниченной ответственности учредителей (участников) хозяйственных обществ [16]. При этом в Германии, как и в других странах континентальной Европы, в настоящее время отмечается стремление к использованию LLC (компаний с ограниченной ответственностью). Эта форма отличается своей простотой в организации и регистрации (например, уже в силу отсутствия уставного капитала как такового), а также благоприятным режимом налогообложения. Американское налоговое законодательство рассматривает такие компании, как личные, и исключает их двойное налогообложение.

Возникновение в российском праве общества с ограниченной ответственностью напрямую связано с Законом Германии об обществах с ограниченной ответственностью от 20 апреля 1892 г. [19, с.

477]), впервые в мировой юридической практике закрепившем такую форму организации бизнеса. В самой Германии в настоящее время таких обществ насчитывается порядка 1 миллиона [11, с. 266], в России – около 3,6 миллионов (93% от общего числа коммерческих организаций и 85 % от всех функционирующих юридических лиц в РФ) [10].

В 1937 г. из Германского торгового уложения 1897 г. были выделены в отдельную группу нормы об акционерных обществах, которые оказали существенное влияние на формирование европейского корпоративного права и получили существенное развитие в российском праве [3].

В то же время многие другие организационно-правовые формы юридических образований, порожденные германским правом не нашли в России своего использования. Например, коммандитное общество, основанное на акциях.

Среди проблемных проявлений взаимовлияния в сфере корпоративного права России и зарубежных стран можно назвать применение доктрины «снятия корпоративной вуали», широко распространенной в зарубежных государствах: Австралии, Бразилии, США, Канаде, Китае, Франции, Германии, ОАЭ, Греции, Израиле, Ирландии, Италии, Люксембурге, Бельгии, Голландии, Мексике, Норвегии, Испании, Швеции и многих других. Несмотря на общую для всех правовых систем природу и сущность, доктрина «снятия корпоративной вуали» имеет и некоторые нюансы в зависимости от принадлежности страны к определенной правовой семье: англосаксонской, являющейся родоначальницей доктрины, или романо-германской [12].

Доктрина «снятие корпоративной вуали» (от англ. – *lifting / piercing the corporate veil*, нем. – *Durchgriffshaftung*), которую также иногда называют доктриной проникающей ответственности, «прокалывания корпоративных покровов», «прокалывания корпоративного занавеса» [23] или даже «снятия корпоративной маски» и «разбивания корпоративного щита», впервые была сформулирована английскими и американскими судами в конце XIX–начале XX века. Суть ее состоит в том, что при определенных условиях злоупотребления правом со стороны корпорации ответственность по обязательствам юридического лица может быть возложена на его акционеров или иных контролирующих его лиц, невзирая на нормы закона об ограниченной ответственности акционеров и т.д. [6, с. 80–125].

В разных системах права институт снятия корпоративной вуали может действовать по-разному. В странах англосаксонской правовой системы суды, как правило, буквально в «прямом» смысле снимают «корпоративную вуаль, когда главенствующим фактором для привлечения к ответственности участника корпорации является факт его злоупотребления правом.

В праве стран континентальной правовой системы, где данная концепция получила наибольшее развитие, приоритет приобретает презумпция ответственности головного общества по обязательствам дочернего. Таким образом, снятие корпоративной вуали является частным случаем, так называемой «проникающей ответственности» в корпоративном праве, который позволяет установить ответственность участников по долгам общества, материнской компании по долгам дочерней [8, с. 56–79].

Применение доктрины обычно ограничено случаями недобросовестного поведения или злоупотребления правами. В разных странах данный вид ответственности применяется к разным видам юридических лиц.

Возникновение правового явления «снятия корпоративной вуали» объясняется необходимостью выработки эффективного механизма противодействия злоупотреблению правом юридическим лицом. Катализатором в данном процессе стало классическое в англо-американском праве судебное решение по делу *Salomon v A. Salomon & Co Ltd* от 1897 года [21], когда был утвержден принцип ограниченной ответственности корпорации. С тех пор корпорация рассматривается как самостоятельный субъект права, участники которой не отвечают по ее обязательствам.

В условиях ограниченной ответственности предприимчивые участники юридических лиц, прикрываясь корпоративной личностью, стали легально уходить от принятых обязательств и от ответственности, подставляя под удар своих кредиторов. К примеру, распространенным случаем избежать ответственности является преднамеренное банкротство компании, когда у ликвидатора фактически отсутствуют основания возложить персонализированную ответственность по долгам юридического лица ввиду действия ограниченной ответственности [22, с. 307, 323–24]. Кроме того, учредители (участники), контролирующие свои компании, изобретали и применяли различные схемы ведения биз-

неса, осложненные отношениями аффилированности, агентскими соглашениями и т.п. В итоге участники корпоративных отношений оказывались в неравноправном положении, что зачастую приводило к дисбалансу интересов учредителей, участников и кредиторов.

Выход из подобных кризисных ситуаций ограниченной ответственности предложил англо-американский суд, когда разрешил в исключительных случаях и при определенных обстоятельствах «снимать корпоративную вуаль», то есть в порядке судебного производства возлагать ответственность непосредственно на лицо, контролирующее корпорацию (учредителя, участника, акционера), делегируя этому лицу обязательства и (или) права компании [6, с. 82].

Следовательно, цель «снятия корпоративной вуали» заключается в регулировании дисбаланса интересов, возникающего между участниками корпоративных отношений вследствие злоупотребления ограниченной ответственностью.

Эта цель достигается путем установления правового механизма, то есть системы юридических средств, обеспечивающих возможность возникновения ответственности у лица, которое эту ответственность не несет в силу действия ограниченной ответственности и автономности корпорации.

Следовательно, механизм «снятия корпоративной вуали» – это совокупность юридических средств, направленных на установление достаточных для преодоления ограниченной ответственности оснований и возложение ответственности на лицо, контролирующее корпорацию.

Сложность применения правового механизма «снятия корпоративной вуали» проявляется, с одной стороны, в отсутствии каких-либо формализованных рамок, а с другой стороны, в наличии чрезмерной свободы судебного усмотрения.

Английский суд, как правило, «снимает корпоративную вуаль» на основании совокупности критериев владения, контроля и недобросовестности [2, с. 85]. В США наблюдается иной подход: проводится «двухкомпонентный тест» (two-prong test) по установлению факта доминирования в совокупности с недобросовестностью [24]. Помимо этого, суды обращаются и к «однофакторному тесту» (single-factor doctrine), и к агентской теории (agency theory), и т.п. Французское законодательство также предусматривает перечень случаев, в которых происходит снятие корпоративной вуали. Данные случаи можно разделить на две категории: ответственность обществ, входящих в состав одной группы, с одной стороны, и гражданская и уголовная ответственность уполномоченных лиц общества и акционеров, с другой. В Германии регулирование данного института глубоко проработано в основном в рамках доктрины «пронизывающей ответственности», которое базируется главным образом на доктрине злоупотребления правом. Однако применение «снятия корпоративной вуали» – это исключение из общего правила независимости юридического лица и независимости его учредителей (участников, акционеров), и оно может применяться лишь в исключительных случаях, а иначе конструкция юридического лица перестала бы существовать.

Профессор И.С. Шиткина по поводу использования механизма «снятия корпоративной вуали» пишет: «Рассмотренный механизм следует применять адресно, с осторожностью относясь к «размыванию» конструкции юридического лица» [14, с. 25–26]. В первую очередь имеется в виду тот факт, что замысел конструкции юридического лица как раз и состоит в разграничении и ограничении ответственности юридического лица и его учредителей (участников). Кроме того, И.С. Шиткина и другие авторы [13, с. 59–60] рассматривают «снятие корпоративной вуали» не только как правовой механизм, но и как правовую доктрину, что является вполне логичным, поскольку ее основу составляют научные труды, положения из которых зачастую приводятся англо-американским судом в качестве обоснования. К примеру, Ф.Дж. Пауэлл предложил трехфакторный тест «проникновения за корпоративный занавес» [15]. В деле Lowendahl [18] суд тезисно сослался на Пауэлла и пояснил, что для «проникновения» необходимо доказать наличие трех элементов: 1) несамостоятельность корпорации и лишение ее экономической обособленности; 2) неправомерную цель и противоправные действия материнской компании; 3) действия контролирующей компании, ставшие непосредственной причиной возникших убытков. Подобный опыт не является единственным, фактически каждое второе решение англо-американских судов в области «проникновения за корпоративный занавес» содержит ссылку на положения из научных трудов [20].

Общим для всех подходов является то, что «снятие корпоративной вуали» – это сформировавшаяся в условиях англо-американского права доктрина, применяемая судом как исключение для защиты

прав, интересов участников корпоративных отношений, в содержание которой входит механизм правового регулирования, представляющий собой процесс по установлению достаточных для преодоления ограниченной ответственности оснований и возложению ответственности на контролирующее корпорацию лицо (учредителя, участника, акционера).

Несмотря на широкую географию действия механизма «снятия корпоративной вуали» за рубежом, в условиях российского права адаптация англо-американской доктрины пока представляется неперспективной. Соответственно, остается маловероятным решение проблем, связанных с возможностью возникновения ответственности у лица, которое эту ответственность не несет в силу легального действия ограниченной ответственности и автономности юридической личности. Во-первых, российская правовая система относится к романо-германской правовой семье, для которой, исходя из ее основных положений, неприменим механизм правового регулирования, основанный сугубо на судебном усмотрении без каких-либо формализованных нормативных рамок. Во-вторых, характерный для англо-американской доктрины тип правопонимания существенным образом отличается от российского. Следовательно, в условиях российского права вопросы, связанные с возможностью возникновения ответственности у лица, которое эту ответственность не несет в силу действия ограниченной ответственности и автономности юридической личности, должны быть решены при помощи характерного для правовых систем романо-германской правовой семьи подхода. За время своего проявления в российском праве доктрина «снятия корпоративной вуали» нашла свое относительное закрепление в:

- 1) концепциях реформирования гражданского законодательства и соответствующих законопроектах об изменении Гражданского кодекса РФ;
- 2) судебной практике;
- 3) правовой доктрине ученых-юристов, которые обосновывали полезность и необходимость введения данного института в российское право.

Однако в связи с произошедшими в 2014 г. законодательными изменениями, прежде всего, упразднением Высшего арбитражного суда РФ и включением целого ряда новелл в ГК РФ, рассматриваемая доктрина оказалась как бы вне правового поля РФ. После ликвидации ВАС РФ и после того, как утратили обывающую силу постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда по делу «Парекс-банка», где была обозначена данная доктрина, в российском правопорядке не осталось нормативных оснований для ее применения, о чем свидетельствует отказ законодателя от закрепления доктрины «снятия корпоративной вуали» в гражданском законодательстве (ГК РФ).

Попытки правоведов обосновать применимость данной доктрины в российском правопорядке малоэффективны, потому что она, как показывает анализ судебной практики, упоминается в судебных актах, как правило, вне того изначального контекста, в котором она употребляется в западных правопорядках. Суды по-прежнему могут упоминать доктрину «снятия корпоративной вуали», но она не служит в качестве основания резолютивной части решения (*ratio decidendi*) при рассмотрении конкретных правовых споров о взыскании убытков, корпоративных и иных споров. Незначительное количество упоминаний этой доктрины дает основание предположить, что она не играет существенной роли в аргументации судов и сторон процесса. Поэтому даже при признании значимости судебной нормотворчества в России, нет достаточных оснований для утверждений о том, что арбитражные суды выработали нормы или принципы, в которых доктрине «снятия корпоративной вуали» придавалось бы нормативно-обязывающее значение.

Таким образом, можно констатировать, что англо-американская доктрина «снятия корпоративной вуали», обладая хорошим потенциалом и высокой степенью защиты кредиторов, вызвала интерес у российского правоведа, но не получила легального закрепления. В связи с этим многие практические вопросы, связанные с защитой прав кредиторов корпораций, находятся в «подвешенном состоянии», и до сих пор не нашли правильного решения. В частности, не понятно, каким образом можно преодолеть ущемление прав кредиторов, привлечь к ответственности лиц, злоупотребляющих автономностью юридического лица. Возникают сложности относительно предоставления доказательств по делам о привлечении основных обществ к солидарной и субсидиарной ответственности и т.п.

Ввиду отсутствия существенной теоретико-правовой основы, вопрос о легализации доктрины «снятия корпоративной вуали» остается открытым, подобно вопросам о легализации в России прецедентного права или института траста [4, с. 9–14].

В то же время в контексте сравнительно-правовых исследований изучение доктрины «снятия корпоративной вуали» целесообразно и, несомненно, представляет большой научно-практический интерес.

Список литературы

1. Концепция «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации». Одобрена решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. Разработана на основе Указа Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 1108 // Собрание законодательства Российской Федерации от 21 июля 2008 г. № 29 (часть I). Ст. 3482.
2. Постановление ВАС РФ от 24.04.2012 № 16404/11 по делу N А40-21127/11-98-184). URL: http://arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_c5231854-ce35-4bd6-aca5-333c0a40ad2f
3. Акционерный закон от 06.09.1965 // BGB1. 1965. Teil I. S. 1089.
4. Антонов М.В. О некоторых теоретических вопросах прецедентной революции в России // Журнал конституционного правосудия. – 2013. – № 4. – С. 9–14.
5. Арсланов К.М. К вопросу о месте российского гражданского права в классификации правовых систем мира // Казанская наука. – 2012. – № 2. – С. 194–197.
6. Будылин С.Л., Иванец Ю.Л. Срывая покровы. Доктрина снятия корпоративной вуали в зарубежных странах и в России // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 7. – С. 80–125.
7. Загребнев С.В. Американская компания с ограниченной ответственностью (LLC) // Законодательство. – 2001. – № 2.
8. Ломакин Д.В. Основные тенденции развития современного законодательства о хозяйственных обществах // Право и бизнес в условиях экономического кризиса: опыт России и Германии. – М.: Юрист, 2010. – С. 56–79.
9. Осипенко К.О. Предмет договора об осуществлении прав участников хозяйственных обществ в российском и английском праве // Вестник гражданского права. – 2012. – № 6. – С. 100–123.
10. Отчеты о работе по государственной регистрации юридических лиц и физических лиц. Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ. URL: www.nalog.ru (дата обращения: 15.09.2017).
11. Суханов Е.А. О развитии статуса компаний в некоторых европейских правовых порядках // Вестник гражданского права. – М.: Изд. Дом Ема, 2009. – № 2. – С. 261–272, 266.
12. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. – М.: Статут, 2014. – 456 с.
13. Тай Ю.В., Арабова Т.Ф. Неподъемная вуаль // Закон. – 2013. – № 10. – С. 59–60.
14. Шуткина И.С. «Снятие корпоративной вуали» в российском праве: правовое регулирование и практика применения // Хозяйство и право. – 2013. – № 2. – С. 25–26.
15. Frederick J. Powell. Parent and Subsidiary Corporations. – Chicago, 1931.
16. Great Lakes Chemical Corporation v. Monsanto 6, 96 FS 2d 376 (383). D. Del., 2000.
17. Kulms Rainer. Die US-amerikanische Limited Uability Company Vorbi ldfureinederegulierte GmbH? // ZvgIRWiss. – 2003. – № 102. – S. 272–287.
18. Lowengahl v. Balt. & Ohio R.R., 287 N.Y.S. 62, aff'd, 272 N.Y. 360. 1936.
19. Reichsgesetzblatt. – 1892. – S. 477.
20. Robert B. Thompson. Piercing the Corporate Veil: An Empirical Study, 76 Cornell L. Rev. 1036–1074 (1991).
21. Salomon v. A. Salomon & Co Ltd [1897] AC 22.
22. Taylor v. Standard Gas & Elec. Co., 306 U.S. 307, 323 – 24 (1938).
23. Vandekerckhove K. Piercing the Corporate Veil. The Netherlands: Kluwer Law International, 2007. – 788 с.
24. Victoria Elevator Co. v. Meriden Grain Co., 282 N.W.2d 509 (Minn. 1979).

PROBLEMS OF INTERACTION OF CORPORATE LAW OF RUSSIA AND FOREIGN
COUNTRIES. THE DOCTRINE OF “PIERCING THE CORPORATE VEIL”

Kolontaevskaya I.F.,

*doctor of pedagogical sciences,
candidate of legal sciences, Professor,
head of Chair of civil law and procedure,
e-mail: kolont@bk.ru,
Moscow Witte University*

The article examines separate legal constructions borrowed from foreign legal systems in the civil law of Russia, analyzes the doctrine of “piercing the corporate veil” and the possibility of its legalization and use of Russian courts, reveals the problems that arise.

Keywords: civil law, corporate law, limited liability company, legal entity, corporation, the doctrine of “piercing the corporate veil”